

ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ Т. ГАРИПОВОЙ «БУРЕНУШКА»

Абдуллина А.Ш.¹

¹*Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru*

Для осознания современного состояния башкирской прозы, выработки принципов подхода к системно-типологическому ее изучению в статье основное внимание сосредоточено на поэтике романа Т. Гариповой, чье творчество не только сыграло определенную роль в развитии современной прозы, но и стало репрезентативным для философско-эстетического мировоззрения современности. Между тем многие аспекты ее прозы не всегда попадали в фокус литературоведческих интересов. Роман «Буренушка» воссоздает культурную атмосферу эпохи, отражает субъективно-авторский взгляд на литературную ситуацию в Башкортостане на пороге нового тысячелетия, дает представление об эволюции историко-литературного процесса. Противоречия времени выразились в башкирской литературе рубежа веков в целом и в творчестве Т. Гариповой. Рассмотрение особенностей художественного мира яркого представителя современной башкирской прозы в аспекте поэтики может привести к определению существенных черт национальной литературы.

Ключевые слова: башкирская литература, поэтика, роман, мотив, психологизм.

PSYCHOLOGICAL POETICS IN T.GARIPOVA'S NOVEL «BURENUSHKA»

Abdullina A.S.¹

¹*Birsk branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10), e-mail: academy@birsk.ru*

For realizing the contemporary state of Bashkir prose, working out the principles of the approach to the system-typological analysis the article concentrates on the poetics of Garipova's novel, whose works not only played a definite role in the modern prose's development, but became representative for philosophic and aesthetic outlook of the present. Meanwhile, many aspects of her prose were out of literary focuses. The novel "Burenushka" reconstructs the epoch's cultural atmosphere, reflects the author's subjective view on Bashkortostan's literature on the threshold of a new millennium, gives an idea of the historical and literary process' evolution. The contradictions of time were expressed in century boundary's Bashkir literature and in T.Garipova's creative work. The consideration of the art world's peculiarities of the Bashkir contemporary prose's outstanding representative may lead to the definition of the national literature's essential traits.

Keywords: Bashkir literature, poetics, novel, psychology.

Т. Гарипова – тонкий психолог – ищет такой художественный язык, который позволил бы ей достоверно воссоздать сложные психические процессы. Поэтому она обращается к образам и мотивам сновидений, которые обладают несомненной мифопоэтической природой. Несомненна мифопоэтическая и фольклорная традиция снов Фаузии-Барсынбики в третьей главе второй части и сон-видение Самиры перед смертью из четвертой главы пятой части о белой змее. Они помогают проникнуть во внутренний мир героинь, более глубоко постичь их психологию, сознание и бессознательное.

Большой интерес представляет первый сон Барсынбики – Фаузии во второй главе первой части. Образы этого сна соотнесены не только с предшествующей сну действительностью, но и с будущим временем жизни героев. Опора на фольклорно-мифологические, литературные и исламские источники является одной из характерных особенностей художественных сновидений Т. Гариповой. «При этом влияние фольклора сказывается не только в тематике и проблематике

романов, но и в их стиле» [8]. Известным сновидцем был пророк Магомет: Он рассказывал, что первое откровение случилось с ним именно во сне — явление ангела Джабраила с сияющим свитком в руке, приказавшем ему читать. Знаменитый Мирадж — вознесение пророка на небеса, произошло, когда он был в состоянии между сном и бодрствованием. Некоторыми исламскими теологами он трактуется как сон. Сон о грядущем рождении пророка приснился и его отцу Абдулле: он увидел произрастание дерева, которое росло и поднималось вверх и, достигнув огромной высоты, стало излучать вокруг себя свет, что означало появление человека, который сможет это воплотить. Знаменитая фраза - символ веры «Нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк его!» приснилась сподвижнику Мухаммеда — Абдулле Бен Зайяда. Он заснул на молитве, и ему приснился человек в зеленом одеянии, который и научил его этой фразе.

Сновидения, описанные в романе «Буренушка», отменяют границы пространства и времени, бесконечно расширяя их. Вневременной контекст сновидений поддерживается фольклорными мотивами и связью с мифотворчеством. Так, например, сновидение в тринадцатой главе первой части свидетельствует о теснейшей связи творческого метода писателя с мифопоэтическим сознанием башкир: «Сегодня ей (Фаузии – А.А.) приснилась степь, накрытая непроглядным бураном. Будто бы сквозь эту снеговерть мчится неведомо куда табун лошадей. Фаузия и сама на коне, в руке – плетка. Снег слепит глаза, уши гложут от топота. И вот, обессилев, она падает с коня... Ах! – вскрикнула Фаузия и открыла глаза. Какой страшный сон ей приснился! "Не пересказывай свои сны, - советовала ей бабушка, - люди, как колдунья-мэскей, обязательно истолкуют их превратно, подскажут что-нибудь дурное". Фаузия следовала совету, но все равно все у нее в жизни получалось, будто по предсказаниям злой колдуньи» [2; 47].

Сны в романе «Буренушка» Т.Гариповой населены мифопоэтическими образами, порожденными, по определению психолога К.Юнга, «коллективным бессознательным»: «Сердце у нее замерло, а сознание подсказало: она не Фаузия, а Барсынбика, и под головой у нее не думка, а свернувшаяся кольцом черная змея. Приподняла бы голову, да страшно, обеспокоенная тварь может ужалить, но лежать на змее она ведь не может! Со страха в горле пересохло, кожу прошиб холодный пот. Уф! Как это она забыла заклинание против змей?» [3; 27]. Подобного рода сновидения сопровождаются всплеском ужаса, отчуждения, опасности, эмоционально переживаются героем.

Разложение временного потока, его дискретность и обратимость в пространстве сновидения объясняются особой функцией ночных видений, являющихся связующим звеном мира мертвых и мира живых: «Только так мертвые и могут входить в жизнь живых и, возможно, что и живые могут что-то изменить в судьбе мертвых» [7; 32]. Заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух противопоставленных друг другу сфер, разделенных не только принадлежностью к пластам прошлого и настоящего, но и границей бытия и небытия. В

онейрическом пространстве человек входит в «непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира и, прежде всего, со своими умершими родственниками» [5; 198]. Сны и видения у Т. Гариповой оказываются одним из главных каналов вневременной связи между миром живых и миром мертвых.

Эмоциональный фон сновидений в романе «Буренушка», складывающийся из переменчивых ощущений и внутренних переживаний, как правило, характеризуется чувствами утраты, страха, одиночества, безнадежности, бесприютности. Сновидец ощущает себя во власти невидимых, непersonифицированных сил. В снах сновидец является объектом действия неопределенных, стихийных сил, часто не познаваемых разумом: «В Глубоком логу не дуло так сильно, как наверху, снежная взвесь медленно оседала на землю. Тихо, покойно. Но Гульбану вдруг ощутила холодок и дрожь в спине. Она озыбла, разогрелась в движении, отчего же возникло это ощущение? Вообще-то, случалось с ней такое и раньше. Связано это было всегда со смутным воспоминанием о какой-то реке, о бурном потоке, либо со сновидением: на нее набегают волны, вот-вот захлестнут, - становилось страшно, и в детстве она часто просыпалась, захлебываясь слезами» [1; 33].

Образы в снах синкретичны, объединяют в себе несоединимые элементы различных предметов и явлений. Изображая сновидение, Т. Гарипова выстраивает хаотичное наложение образов, ирреальное единство, существование которого в действительности невозможно, абсурдно: «Шумно дышат, высунув языки, как собаки. Над головой Мадины пролетел мяч. Ах! Оказывается, это не мяч, а ее сердце. Собравшиеся вокруг люди, издавая дикие крики, перекидывают его через голову Мадины друг другу. Оно живое, видно, как бьется» [4; 97-98]. Т. Гарипова в некоторых сновидениях отказывается от конкретных пространственно-временных отношений, рациональной логики повествования.

Т. Гарипова остается верна истинной природе феномена сновидения, отказываясь от причинно-следственных связей, целевых установок и рационализма при изображении взаимопроникающих сфер яви и неяви. На мистическую ткань сновидения накладывается пласт реальных фактов дневной жизни. При этом в снах Мадины отсутствуют слова-сигнализаторы, разграничивающие сферы реального пространства и пространства онейрического, прямые отсылки к факту сновидения.

Волевое начало субъекта в сновидениях писателя сводится к минимуму. Действующие объекты в сновидениях часто не поименованы, анонимны. Отсутствие конкретизации лиц закрепляется в неопределенно-личных и безличных предложениях: «Кидают – не попадают. Кто-то влил ей в рот чуточку воды» [4; 98]. В метамире сновидения сновидец является объектом действия неопределенных, стихийных сил, принципиально непознаваемых разумом.

В сновидениях романа «Буренушка» Т.Гарипова отказывается от четко означенных пространственно-временных отношений, рациональной логики повествования. Сон в романе «Буренушка» Т.Гариповой рассматривается как «балансирование на границе, на стыке: сознательного и бессознательного, живого и мертвого, формы и аморфного, постоянное стремление проникнуть в другой мир - передвинуть границы так называемой реальности» [6;191].

Т. Гарипова испытывает внутреннее тяготение к области мистического, сновидческая сфера ознаменовала преодоление власти пространства и времени, вскрыла ограниченность традиционных форм психологического анализа. На грани сна, яви и таинственных предсказаний герои постигают энергию непостижимой стихии красоты, величия и слабости, ничтожности человека. В сновидческом измерении внутренняя растерянность личности перед могуществом грозных высших сил сочетается с напряжением памяти, с обостренным ощущением конца земного пути, за которыми простирается бесконечность, например в сне Фаузии-Барсынбики во второй главе первой части.

Через поэтику сновидений в произведениях Т. Гариповой нередко прорисовываются различные лики женской души, что особенно отчетливо запечатлелось в снах Фаузии-Барсынбики и Мадины. В романе одной из ипостасей женской души, ярко раскрывшейся в сновидческом пространстве, становится праведничество. Зло, разлитое в событиях, наполнивших пространство романа, – имеет источник вполне определенный. Этот источник ощущается Фаузией-Барсынбики как некая страшная, неосязаемая и таинственная, но явная сила, действующая среди людей и несущая им погибель. Фаузия освобождается от некой губительной силы, совершив путь к себе, открыв иллюзорность своих стремлений, ощутив, что жизнь вне Бога пуста. Путь к своим истокам у Фаузии начался с возвращения к событию, символически обозначившему весь жизненный путь героини, когда она потеряла своего ребенка – Кукхылу.

Т. Гарипова видит в людях смешение «света» и «тьмы», каждый человек ежедневно умирает и воскресает, каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет сердце силой новой жизни. Именно существованием тьмы объясняет писатель невозможность, заведомую неудачу всех самых благих намерений.

Не поддающееся рациональному осмыслению вторжение мистических сил облекается в романе через сны, предсказания и предвидения судьбы. Воспоминания, сны о бабушке открывают для Фаузии путь к внутреннему очищению, преодолению собственной самости, сближению с природным бытием: «Ведь к каждому растению нужен особый подход. Одни из них положено срывать, когда они спят, другие - когда высохнет роса». При этом Фаузия строго соблюдает ритуал: сначала просит у растения разрешения сорвать его, произносит краткую молитву; сорвав, не забывает сказать спасибо. Так собирала травы ее бабушка. «Нельзя срывать

травы со злым умыслом, - наставляла она Фаузию, - только от сорванных с добрым намерением будет польза человеку» [3; 18].

Вершинным воплощением внутреннего обновления оказываются сны героини, несущие идею душевного озарения и приближения к Божьему миру. В снах открывается героине пространство вечности, приближенное к человеческому естеству, когда она встречается и разговаривает со своей покойной бабушкой и через общение с ней распознает во всех трагедиях и страданиях рода искупление проклятья, павшего на семью. В своих снах она приходит к мудрому пониманию своего земного пути, безбоязненно проходя через испытание встречи со смертью, назначающей ей свой час. Таким образом, именно художественное проникновение в область сна существенно раздвигает рамки картины мира в романе, приоткрывает сокровенные пласты душевной жизни в мистической сопряженности земных обстоятельств и высших предназначений.

Иной гранью женской души, которая высвечивается в призме сновидений, становится в изображении Т. Гариповой стихия любви. Сны Камалетдинова, Хашима насыщены метафорической образностью и проливают свет на потаенные лабиринты чувственной страсти, на ее главенство в подсознательной сфере человеческого «я». Художественное постижение гипнотического воздействия любви, женской красоты и чувственности в пространстве сна становится основой завязки одной из основных линий действия в романе.

В романе Т. Гариповой нет снов ради снов, они всегда опосредованы сюжетом или психологической необходимостью. Причины сновидений для писателя важны не меньше, чем сами сновидения: в них она ищет путь к самопознанию личности.

Мотивы сновидений в прозе Т. Гариповой оригинальны по характеру своего вхождения в художественное пространство произведения. Художественный прием сна играет существенную роль в композиции романа. Именно описанием сна открываются третья и четвертые части романа. Сны видят герои в самые трудные моменты своей жизни, что помогает им выйти из душевного кризиса; посредством снов и видений автор возвращает своих героев в прошлое.

Композиционное искусство в романе «Буренушка» проявляется в постоянном колебании границ между сном и явью, дистанция между которыми в восприятии повествователя то возрастает, то, напротив, сокращается до полной неразличимости. Именно сновидческие ассоциации и мотивировки оказываются в произведении одним из главных способов самопознания героини Фаузии-Барсынбике, осмысления ею неисповедимости человеческих судеб, тайны того бегства от прошлой жизни, которая парадоксально переплела между собой внешне не связанные дореволюционные воспоминания с жизнью в Советской Башкирии. Неслучайно в романе так часто Фаузии-Барсынбике снятся сны.

Исламская концепция преображения мира определила философское начало романа, привела к выводу о необходимости нравственного усовершенствования каждого человека, что ведет к гармонии человека и общества. Задача духовного просветления и изменения личности, по мнению Т. Гариповой, не может быть решена вне ислама.

В романе «Буренушка» башкирская писательница поставила глубочайшие проблемы земного бытия, смысла жизни человека, его нравственного выбора, атеистического своеволия, разума и совести, веры и безверия. В своих размышлениях о человеческой душе, о борьбе добра и зла в ней Т. Гарипова приходит к вечным ценностям. Отмечая симптомы духовного кризиса, переживаемого страной, торжество бездуховности, Т. Гарипова видит источник народных бед в отсутствии веры, в отречении от вечных ценностей.

Такая своеобразная композиция, которая органично включает в себя художественный прием сна, связана с религиозно-художественной идеей автора, с ее моралистической концепцией. В эпоху зарождения ислама мусульманские теологи придерживались иных представлений о смерти: она уподоблялась сну. Идея воскресения играла значительную роль в изначальной концепции загробной жизни, но она была сформулирована не так жестко, как позднейшие представления, и вполне могла быть истолкована с точки зрения учения о реинкарнации. Уподобление сну — единственное последовательно поддерживаемое первыми мусульманскими теологами представление о смерти. Изложенные в Коране взгляды на природу смерти тесно связаны с двумя другими вопросами: отношениями между сном и смертью и существованием души. Обращаясь к вечным тайнам жизни и смерти, Коран затрагивает древние представления: уподобление смерти сну, а воскресения из мертвых — пробуждению.

Весьма многообразны композиционные функции картин сновидений в романе «Буренушка» Т. Гариповой. Создавая эффект «удвоения» реальности, они порой служат символическим завершением центральной сюжетной линии, предваряют развязку и останавливают внимание на неисповедимом пересечении судеб персонажей. Например, изображение сна Барсынбики занимает «пороговое» композиционное место в романе: «Сегодня ей приснилась степь, накрытая непроглядным бураном. Будто бы сквозь эту снеговерть мчится неведомо куда табун лошадей. Фаузия и сама на коне, в руке плетка. Она должна завернуть табун, направить в загон, но ей это никак не удастся. Снег слепит глаза, уши гложут от топота. И вот, обессилев, она падает с коня...» [2; 47]. Сквозь ситуативное здесь проступает судьбоносное в жизненных путях героев, а символика необузданного табуна, потерявшего хозяина в кромешном снежном буране, выдает бессилие героини перед неумолимым воздействием рока, посредством символического эпизода сон пророчески о скором замыкании круга земного бытия, описание предваряет трагедийную развязку семьи Фаузии-Барсынбики.

В снах Мадины через явную условность, калейдоскопичность художественного пространства предвосхищается резкое изменение русла ее судьбы. На основе сновидческих образов у Т. Гариповой происходит реконструкция глубинных уровней предыстории персонажей, выделение скрытых кульминационных событий в их душевной жизни.

В романе очень часто пробуждение героев происходит в кульминационный момент сновидений. Сон Хусаина - это своеобразное предвестие неприятностей с Саврасым. Сновидение наполнено нарастающими эмоциональными переживаниями героя: беспокойство, страх, ужас и недоумение. Поведение «сновидца» пассивно, подчинение обстоятельствам, невозможность закричать и спасти жеребенка. Психологическая мотивировка сна — тревожное, напряжённое ожидание грядущих событий. Сновидение Хусаина наполнено сильными переживаниями, а «движения души» представлены динамичностью действия.

В сюжете романа у Хашима возникают галлюцинации и видения, которые являются продолжением тревожных размышлений о Гульбану. Мотив вины, нравственной ответственности в завуалированной или явной форме присутствует в галлюцинативных видениях и сновидениях героя. Важно отметить, что именно после этого следует сцена, в которой Хашим раскаивается в своём поведении. Глубокий смысл имеет сон Фаузии о путешествии на тот свет. Сюжет этого сна в общих чертах соотносится с ситуациями обмираний и видений, где героиня видит себя на том свете, а рядом с ней оказывается спутник, который водит ее по царству мёртвых, показывая и объясняя муки грешников и блаженство праведников. Для Т. Гариповой на первом плане стоит задача художественного изображения психологических процессов, а не морально-дидактического воздействия, компоненты данного сновидения, генетически связанные с древней литературной традицией, обретают несколько иные смыслы.

Сон Ишмухамета имеет не только репродуцирующий, но и прогнозирующий, «вещий» смысл, т.к. предсказывает герою его собственную судьбу, смерть и тем самым предвосхищает дальнейшее развитие сюжета.

Таким образом, сны и видения героев становятся определённым психологическим катарсисом, этическим и мировоззренческим чистилищем, пройдя через которые они открывают для себя первозданные духовные ценности. Обращение Т.Гариповой к изображению сновидений, к художественному воссозданию снов - явление вполне закономерное в ее творческой системе. Оно вытекает из стремления писателя к психологической правдивости повествования. Пафос романа Т. Гариповой – стремление восстановить в своих правах утраченное различие между добром и злом. Лишь при этом условии человек может преодолеть царящий вне и внутри него беспорядок, возвратиться к тем незамутненным понятиям о совести, Боге, добре, которые в течение веков помогали противостоять соблазнам. Изменение мира к лучшему начинается с очищения своей души. Процесс духовного очищения невозможен вне ощущения своей

ответственности за себя и за других. Таким образом, в романе «Буренушка» Т. Гарипова создает некий универсальный язык сновидений, через который передает свое понимание человека и представляет свое художественное и философское мировосприятие и миропонимание.

Список литературы

1. Гарипова Т. «Буренушка» // Бельские просторы. - 2005. - № 9. – С. 3-49.
2. Гарипова Т. «Буренушка» // Бельские просторы. – 2005. - № 10. – С. 3-47.
3. Гарипова Т. «Буренушка» // Бельские просторы. - 2008. - № 8. – С. 9-44.
4. Гарипова Т. «Буренушка» // Бельские просторы. – 2008. - № 10. – С. 80-128.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30-ти томах. - Ленинград, 1983. – Т. XXV. - С. 104-119.
6. Коробова Е. Сближение отдаленных реальностей // Очерки по истории культуры. - Саратов, 1994. – С. 180-198.
7. Ремизов А. Мартын Задека // Ремизов А. Избранные произведения. – М., 1995. – С. 22-39.
8. Толстая С. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-исторический аспекты / сост. О.Б. Христофорова. – М., 2001. – С. 458-460.

Рецензенты:

Хасанов Р.Ф., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Петишева В.А., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.